

Владимир КОРШУНОВ (г.Ульяновск) ПРУЖИНА

После последней командировки на Кавказ Пашка Зверев не находил себе места. Внутри будто кто-то сжал тугую пружину. И ладно бы постепенно отпускало, как было в первую войну, так нет — давило всё сильнее. «Может, напился бы, и легче стало», — думал иногда он. Но ведь поклялся же, что если останется жив, в рот ни капли больше не возьмёт. И вот остался. Даже ранен не был. Атеистом Пашка перестал быть ещё в первую кампанию, попав под серьёзный обстрел в Ханкале. Там вообще атеистов не было. Это потом — по возвращении, после «реабилитации» всё возвращалось на круги своя. Ну, или почти всё. Но в этот раз Пашка решил, что будет жить по-другому. Как? Он ещё не знал. Но про свой зарок помнил. Тем более, что командировка была, скорее всего, не последней, а как говорили в таких случаях — «крайней».

«Новая жизнь» начиналась непросто. Когда автобус, разбрызгивая осеннюю жижу, подкатил к КПП, начальство уже стояло перед воротами. Рядом вертелись репортёры, будь они неладны! На последней стоянке во время очередного ремонта подпитые сослуживцы от безделья намалевали зубной пастой на куске чёрной материи череп с костями, да и водрузили полотнище на крышу автобуса. «Торжественной» встречи никто не ожидал, а потому рота к ней не готовилась. Бородатые мужики выходили вразвалку с оружием наперевес, кто-то в чёрных солнечных очках, кто-то в зелёных повязках на голове с арабской вязью. Не по форме ... Мягко говоря.

Красномордый полковник из Управления сначала аж поперхнулся. А потом, когда все уже вышли и нехотя построились, заорал, не обращая внимания на журналистов:

— Это что за банда?! Мать вашу! Вы кого представляете?! Федеральные силы или... — кроме союзов и предлогов цензурных слов в «приветственной» речи почти не было.

Пашка сжимал кулаки и хотел, наплевав на всё, подойти и одним ударом вырубить полковника. «Тебя, сука, там нет! Ты бы лучше «боевые» выдал... Мужики почти сто суток в грязи и в дерьме по уши. Под пулями. А у тебя рожа — хоть прикуривай... Какого лешего ты вообще приехал сюда?»

Полковник остановился около Пашки.

— Ты что-то хотел сказать, капитан?

Пашка закусил до крови нижнюю губу и старался смотреть сквозь полковника.

— Не слышу! — наслаждался своей властью приезжий начальник.

Пашка мысленно уже чувствовал, как костяшки кулака впечатываются в мягкое рыло полковника, но... сдержался.

— Никак нет, — пробормотал он.

Собственно после этого эпизода, в общем-то, малозначительного — сколько их было за время службы! — Пашка стал чувствовать, что начинает звереть. Краски жизни поблекли. Заводился «с полпинка» по любому пустяку, и одному Богу известно, каких усилий стоило гасить

приступы гнева.

А тут ещё врачиха из госпиталя масла в огонь добавила:

— Нервы ни к чёрту. В госпиталь надо ложиться...

«Вот дура! — вскипел внутри Пашка. — Я и без тебя знаю, что ни к чёрту! Ты с моё повоюй, а потом вместо дома и семьи — милости просим на казённую койку. Ни с чем — просто с «нервами»!

— Ну, может, таблетки какие попить? — скрывая раздражение, почти безразлично спросил он.

— Да какие таблетки?! Вам полная реабилитация нужна! И полный покой...

«Дура!» Пашка отказался ложиться и сумел всё-таки упросить врачиху не укладывать его в госпиталь — дать побыть с семьёй.

— Только никаких переживаний! — гундела врачиха, подписывая медицинское заключение. — Хоть пожар, хоть война! Для вас ничего не существует. Нет вас ни для кого!

Семейство капитана Зверева ютилось в тёщиной однокомнатной квартире на окраине города. Не самое уютное гнёздышко для мирозерцания, но, как говорится, чем богаты!

Тёща в этот раз Пашку вообще не донимала. Видно, не могла поверить, что выпало, наконец, такое счастье — зять не пьёт, никого не гоняет, никого не цепляет у двора. Жена вела себя как всегда: тихо, покладисто и даже как-то исполнительно. Эта её исполнительность изводила Пашку вконец!

«Все как с больным, — думал он. — Поговорить не с кем!» Да и не хотелось, впрочем, ни с кем говорить. И не о чем было говорить. Пружина сжималась. Оставаясь один дома, он не находил себе места. Земля будто горела под ногами. Пробовал чем-то заниматься — всё валилось из рук. Вечером, когда тёща с женой сползались с работы, было ещё тоскливее: тихо, спокойно и уныло. Как в братской могиле.

После трёхмесячной совместной «окопной» жизни видеть сослуживцев не хотелось. Да и им, наверное, тоже — надоели все друг другу до тошноты. Каждый шорох, каждый чих товарища уже знаешь наперёд — на несколько ходов. Да и говорить о чём? У всех — одно и тоже: и там, и здесь...

Однажды Пашка не выдержал и поехал к Толяну Грачёву. Со всей роты он, наверное, один не бухал по случаю вывода. Снимал стресс тяжёлой работой — строил гаражи или дачи. И в этот раз Пашка застал его на очередной стройке. Поговорили, покурили. Пашка даже попытался помочь, но... Всё по-прежнему валилось из рук. И вскоре, плюнув на эту «грёбаную» работу, матеря в душе «крестьянскую ломовую» натуру сослуживца, он уехал домой.

— Паша, тебе чаще бы надо на воздухе бывать, — сказала вечером жена. — Смотри, совсем посерел в четырёх стенах.

— Это я не в четырёх стенах посерел, а там... — Пашка отвернулся и ничего больше не говорил до утра.

На следующий день, поняв что в словах жены есть какое-никакое здоровое зерно, Зверев собрался погулять. День был выходной, поэтому в парк пошли вместе: он, жена и дочка Саша. Уже во дворе он обратил внимание на тонированную «шоху». Будто кто-то внутри подсказал: «Нехорошая машина». Он сбавил шаг, а когда увидел, что к машине подошли два придурка из соседнего подъезда, что-то быстро сунули туда, а потом, ослабившись, взяли через окно какую-то хреновину, намётанный глаз капитана не дал осечки: «Так и есть! Дурью торгуют!»

— Ты, чего, Паш? — насторожилась жена. — Пойдём.

Он тут же вспомнил слова врачихи про нервы, пожар, и про то, что его пока нет ни для кого, сплюнул под ноги и пошёл, увлекаемый женой, в парк. На душе сделалось

вообще паршиво.

«Вот ведь, суки, до чего оборзели! В открытую торгуют, прямо у дома! Скоро, наверное, киоск откроют. А ты ходи и ничего не замечай...»

Жена пыталась как-то отвлечь супруга от его мыслей, заговаривала о чём-то, задавала дурацкие вопросы. Он отвечал односложными фразами, порой невпопад. Потом и вовсе перестал отвечать. Замолчала и она.

На обратном пути он снова упёрся взглядом в «шоху». Дверь была полуоткрыта. Дребезжала какая-то отвязная музыка, доносились ржание и мат.

Пашка довёл жену до подъезда. Даже до первой площадки и, сделав вид, что забыл купить сигареты, поспешил вернуться во двор.

— Хлеба ещё купи! — крикнула вдогонку она.

— Куплю, — ответил он, не оборачиваясь, и едва сдерживая оживание.

— Ну что, ребята? Почём нынче опиум для народа? — спросил Пашка, распахнув дверь машины и широко улыбаясь.

— Ты чё, мужик? Опохмелись ...

Парень не успел договорить, увлекаемый за ворот стальными ручищами Пашки. Ещё секунда и сотрясающий удар поверг его в ближайшую лужу.

Двери «шестёрки» распахнулись. Выскочили ещё двое. У одного Пашка заметил блеснувшую в руке заточку. Впрочем, тот даже не успел ей махнуть — удар ногой в челюсть надолго выключил нападавшего из драки. Третий и вовсе не сопротивлялся. Он чуть поднял руки и попятился назад:

— Всё нормально, мужик. Всё! Успокойся!

— Нормально, говоришь?! А это у тебя что? — сжав одной рукой воротник вместе с шеей задержанного, Пашка выворачивал карманы.

На асфальт выпал спичечный коробок. Другой остался у Пашки в руке. Зная, что находится внутри, он всё-таки приоткрыл его и сунул под нос парню бурую высушенную травку. В это время тот, что сидел на водительском месте и первым получил Пашкин удар, поднялся из лужи и пошёл сзади. Пашка ждал этого, поэтому и саданул его сперва вполсилы, чтобы растянуть удовольствие. Второй и третий удар капитана уложили всю бригаду окончательно. Он подобрал выбитую заточку и хотел проткнуть колёса машины, но услышал сзади знакомый пронзительный голос:

— Паша! Паша! Не надо! Отпусти их! — он оглянулся и немного охолонул. У подъезда в тапочках стояла жена.

Растерев по земле «изъятые» два коробка с «травкой» Пашка впихнул в машину избитых торговцев, хотел вмазать ещё, но остановился, только пригрозил:

— Ещё раз увижу вас тут — убью, щенки!

Пружина, сидевшая внутри, будто распрямилась.

Зверевы подходили к подъезду. Тонированная «шоха» торопливо развернулась, но прежде чем дать полный газ, тормознула:

— Ну смотри, капитан! Теперь мы твои должники! — крикнул кто-то в окно.

— Они тебя знают, что ли? — спросила жена.

— Наверное, — ответил Пашка. И, чуть подождав, добавил. — Теперь точно будут знать.

Стемнело быстро. Поужинав, Пашкино семейство сидело у телевизора. Только дочурка, расположившись на полу, что-то раскрашивала в книжке. В этот вечер Пашка начал улыбаться. Даже смеялся пару раз. На душе полегчало. «Может быть, даже посплю сегодня», — подумал он, глядя на часы. Сон после командировок вообще был ахиллесовой пятой. Не брал ни «Корвалол», ни снотворное. Часов до трех-четырех Пашка ходил от кровати до кухни, курил, пил чай, пытался читать. Но сегодня он

чувствовал какую-то приятную усталость. «Точно засну!» Было без четверти одиннадцать. Пашка зевнул.

Вдруг хлопок выстрела разорвал вечернюю тишину. По кухне зазвенело разбитое стекло.

— На пол! Всем на пол! — заорал Пашка таким голосом, который его домашние никогда не слышали.

В один прыжок он подскочил к выключателю и вырубил свет. Закрыв собой перепуганную дочь, он нагнул к полу голову жены.

— Тихо... Лежите тихо...

— А что это? — спросила лежащая рядом тёща.

На кухне раздался ещё один глухой хлопок. Снова зазвенело стекло.

— Стреляют, мам! — отозвался Пашка. — Да вы не бойтесь! Ни хрена у них не выйдет.

Больше никто не стрелял. Выждав минут пять, Пашка наглухо зашторил окна. Тёща, не спрашивая разрешения, уже метнулась на кухню и включила свет. «Ну куда она всегда лезет?!» — подумал Зверев и мысленно заматерился.

— Ой, беда-то какая! Лидочка! Две банки вдребезги! — голосила тёща. — Вот такие сейчас крышки делают!

Пашка вышел на кухню. Под ногами среди битого стекла валялись «взорвавшиеся» огурцы. Обои и потолок были испорчены забродившим рассолом. Жена нервно смеялась, прижимая к себе дочь и смахивая слёзы. Пружина, сидевшая внутри все эти дни, вроде бы распрямилась, но на душе всё равно было как-то нехорошо. Опустошенно...

Пашка снова плохо спал этой ночью. А утром, наспех побрившись, поехал к врачихе и попросил положить его в госпиталь...